

© 2017 г.

Т.Л. ЛАБУТИНА

ОТ ИВАНА ГРОЗНОГО ДО ЕКАТЕРИНЫ II: РОССИЙСКИЕ МОНАРХИ В ВОСПРИЯТИИ БРИТАНЦЕВ

Лабутина Татьяна Леонидовна — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

В последние годы одним из востребованных направлений в отечественной исторической науке сделалась имэджинология/имагология — комплексная обществоведческая дисциплина, которая изучает взаимовосприятие народами друг друга, механизмы формирования внешнеполитических стереотипов, этнические характеристики, особенности восприятия образов стран и индивидов. Данное научное направление возникло на Западе в 1970-х годах. Саму же идею о необходимости всестороннего изучения этнических образов выдвинули в первой четверти XX в. французский социолог Ж. Ле Бон и известный американский публицист и социолог У. Липпман¹. «Первооткрывателями» имэджинологии в России стали ученые Л.А. Зак, Н.А. Ерофеев, С.В. Чугров².

Работая на протяжении ряда лет над темой межкультурных связей Великобритании и России, мы не раз прибегали к изучению этнических образов русских, созданных британцами, побывавшими в нашей стране в течение нескольких столетий³, а также затронули ряд теоретических проблем, связанных с имагологией⁴. В данной статье прослеживается трансформация этнических образов монархов России, сложившихся у британцев на протяжении XVI — XVIII вв. Что в них было общего? Изменялись ли характеристики российских правителей с течением времени, а если да, то что послужило тому причиной? Повлияла ли на этнические представления принадлежность авторов трактатов к мужскому или женскому полу? Наконец, насколько объективными были характеристики британцев?

Как известно, дипломатические и экономические отношения между Англией и Россией впервые были установлены в правление Ивана IV. Английский

¹ *Lippman W.* Public Opinion. New York, 1950.

² *Зак Л.А.* Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. М., 1976; *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825—1853 гг. М., 1982; *Чугров С.В.* Россия и Запад. Метаморфозы восприятия. М., 1993.

³ *Лабутина Т.Л.* Допетровская Россия глазами британцев. — Вопросы истории, 2009, № 5; *её же.* Представления британцев о русском народе в XVI — XVII вв. — Вопросы истории, 2009, № 8; *её же.* Англичане в допетровской России. СПб., 2011; *её же.* Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013.

⁴ См.: *Лабутина Т.Л.* К вопросу о методике исследования межкультурных коммуникаций (на примере англо-русских отношений XVI — XVII вв.). — Проблемы исторического познания. М., 2008; *её же.* Мифологизированные стереотипы в межкультурных коммуникациях: допетровская Россия глазами англичан. — Россия, Запад и Восток: традиции, взаимодействия, новации. Владимир, 2009; *её же.* Межкультурные коммуникации стран Запада и России: история и теория исследований. — Проблемы исторического познания. М., 2011; *её же.* Проблема стереотипов в исследовании межкультурных коммуникаций. — Вопросы новой и новейшей истории зарубежных стран. Рязань, 2011; *её же.* К вопросу об этнических стереотипах в исторической имагологии: трансформация образа «чужого» в образ «врага». — Проблемы исторического познания. М., 2015; *её же.* К вопросу об изучении межкультурной коммуникации в исторической науке. — Ученые записки Череповецкого государственного университета, 2016, № 2(6); *её же.* Актуальные проблемы имагологии. — Проблемы исторического познания. М., 2016.

мореплавателем Ричард Ченслер, которому довелось стать первым дипломатическим представителем в Московском государстве, в своей книге «о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и о товарах его страны» описал быт и нравы русских людей, города, которые повидал, природные условия и т.п. В январе 1554 г. Ченслер вместе с переводчиком был приглашен в царский дворец в Кремле, о чем также рассказал. Внешний вид и внутреннее убранство царского дворца не произвели на англичанина особого впечатления. Зато царская свита, численностью в 100 или более человек, «в роскошном золотом платье», потрясла воображение Ченслера. Царь Иван Грозный восседал на позолоченном троне и был «в длинной одежде, отделанной листовым золотом», в короне и с жезлом «из золота и хрусталя» в правой руке. После вручения царю грамоты от короля Эдуарда VI, в которой высказывалось пожелание о налаживании торговли «с отдаленными странами», Ченслер был приглашен на обед в Золотую палату. Более всего англичанина поразило обилие на столах золотой посуды. «Сервировка была очень богата: все подавалось на золоте... Число обедавших в этот день было около двухсот, и всем подавали на золотой посуде», — пишет он⁵.

Заметим, что все англичане, которым довелось побывать при дворе Ивана Грозного, в первую очередь обращали внимание на великолепие сервировки и обилие угощений на царских обедах. Представитель Московской торговой компании Антоний Дженкинсон не стал исключением, он также поражался убранству царского стола, где вся посуда была из золота и серебра. Впрочем, он обратил внимание и на окружение царя. За его столом сидели митрополит, казанский царь и несколько вельмож. «Тут же были различные посланники и другие иностранцы, как христиане, так и язычники, одетые в самые разнообразные одежды, — повествует Дженкинсон, — всего в этом зале обедало до 600 человек, не считая двух тысяч татар — воинов, которые только явились с изъявлением покорности царю и назначены были служить ему в его войне с лифляндцами, но татары обедали в других залах»⁶. Дженкинсону довелось повидать царя также на Крещение 4 января. Он наблюдал торжественный выход в церковь Ивана Васильевича с митрополитом и другими священниками. Все они были облачены «в богатые одежды, украшенные золотом, жемчугом, драгоценными камнями и дорогими мехами». Обряд крещения, за которым царь наблюдал, стоя у замерзшей реки, «с непокрытой головой, вместе со всей своей знатью», завершился торжественным обедом, на котором присутствовало свыше 300 иностранцев⁷.

Первые наблюдатели за жизнью царя Московии не ограничивались ее чисто внешними атрибутами. Особое внимание британцы уделяли форме государственного правления Московии, единодушно признавая ее тиранической. Известный путешественник и дипломат Дж. Флетчер приводил примеры самодержавного правления царя: Иван Грозный, чтобы показать свою безграничную власть над подданными, во время прогулок или поездок «приказывал рубить головы тех, которые попадались ему навстречу, если их лица ему не нравились, или когда кто-нибудь неосторожно на него смотрел. Приказ исполнялся немедленно, и головы падали к ногам его». Флетчер вспоминал историю создания опричнины Грозным, подчеркивая, что «свобода, данная одним грабить и убивать других без всякой защиты судебными местами или законом (продолжавшаяся семь лет), послужила к... достижению того, что он (царь. — Т.Л.) имел при этом в виду, т.е. к истреблению дворян, ему ненавистных, коих в одну

---

⁵ Ченслер Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и о товарах его страны. — Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1938, с. 57–58.

⁶ Первое путешествие, совершенное господином Антонием Дженкинсоном из города Лондона в русскую землю, начатое 12 мая 1557 г. — Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке, с. 43–44.

⁷ Там же, с. 44–45.

неделю и в одном городе Москве было убито до трехсот человек»⁸. Подобные высказывания Флетчера, содержавшие конкретные детали тиранического правления Грозного, вызывают определенные сомнения в достоверности. Если учесть, что Флетчер попал в Москву уже после кончины Грозного и этих жестоких сцен попросту не мог видеть, то, возможно, его записи были основаны на чьих-то рассказах, не исключено, что и вымышленных.

Журналист и историк В. Манягин категорически оспаривает подобные утверждения англичанина и его последователей о царе Московии как о тиране, считая их мифом. «Мифу об Иоанне Грозном четыреста лет», – утверждает он. При этом Манягин ссылается на высказывания известного историка Р.Г. Скрынникова и митрополита Иоанна (Снычева) о том, что за 50 лет правления Иоанна Грозного (с 1538 по 1584 г.) к смертной казни были приговорены от 4 до 5 тыс. человек, т.е. меньше 100 человек в год, включая уголовных преступников. Так, к смертной казни приговаривали за убийство, изнасилование, содомию, ограбление храма, государственную измену (при царе Алексее Михайловиче смертной казнью карались уже 80 видов преступлений, а при Петре I – более 120!).

Каждый смертный приговор при Иване IV утверждался лично царем, а приговор князьям и боярам – Боярской Думой. В то же время подобные жертвы «террора» Грозного, преувеличенные в сотни раз, намного уступали жертвам правления «цивилизованных» западных правителей. К примеру, в Варфоломеевскую ночь во Франции в 1572 г. было перебито свыше 30 тыс. протестантов; в Англии за первую половину XVI в. повешено только за бродяжничество 70 тыс. человек; в Германии при подавлении крестьянского восстания 1525 г. казнили более 100 тыс. человек! Между тем никто из европейских правителей не был обвинен в «кроважности», «жестокости», «тирании». Таким образом, в трактовке образа Грозного присутствует очевидное искажение исторической правды, связанное, по мнению Манягина, с использованием недостоверных источников или подменой терминов⁹.

Вызывают сомнения в достоверности также свидетельства Джерома Горсея, находившегося на дипломатической и коммерческой службе в Московском государстве с 1573 по 1591 г., о замыслах царя просить политического убежища в Англии. После сильного пожара в апреле 1571 г., вызванного поджогами во время набега хана Девлет-Гирея, когда Москва выгорела дотла, царь спешно покинул город и проживал в Александровской слободе или в Вологде. Для того чтобы отстроить столицу заново, он обложил высокими налогами и пошлинами купцов, города и монастыри, «истощая их богатства». «Все это, – писал Горсей, – разбудило против него такую ненависть, что, видя это, он размышлял, как обезопасить себя и свои владения». Опасаясь за свою жизнь, Иван Грозный надумал найти убежище. Вблизи Вологды, писал Горсей, он построил множество судов, барж и лодок, «куда свез свои самые большие богатства, чтобы, когда пробьет час, погрузиться на эти суда и спуститься вниз по Двине, направляясь в Англию, а в случае необходимости – на английских кораблях». Бежать в Англию царь намеревался не с пустыми руками. Он подумывал о том, чтобы «в случае необходимости отправить свою казну в Соловецкий монастырь на Северном море – прямом пути в Англию»¹⁰. Трудно сказать, в какой мере подобные предположения дипломата соответствовали действительности, поскольку в других источниках они подтверждения не находят.

Примечательно, что англичане, оценивая Ивана Грозного и его деятельность, порой расходились в своих суждениях. В то время как Флетчер, не будучи лично знаком с Грозным, воспринимал царя исключительно негативно и описывал «ужасы» его правления, коих сам не наблюдал, Горсей был более объективным в своих оценках. Хотя Горсей считал Грозного «хитрым», «жестоким», «кровавым», управлявшим

⁸ Флетчер Дж. О государстве русском. М., 2002, с. 41–42.

⁹ Манягин В. Правда Грозного царя. М., 2007, с. 32–34.

¹⁰ Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990, с. 59, 62–63.

государством «по своей воле и разумению», он подметил и немало положительных перемен, свершившихся в стране за время его правления. Грозный «расширил значительно свою державу во всех направлениях и этим укрепил... многочисленную страну, ведущую обширную торговлю и обмен со всеми народами... В результате не только увеличились его доходы... но сильно обогатились его города и провинции»¹¹.

Если Флетчер указывал на отсутствие писаных законов в Московском государстве, то Горсей, напротив, подчеркивал, что именно Грозный «уменьшил неясности и неточности» в законодательстве и судебных процедурах. Царь ввел «наиболее удобную и простую форму письменных законов, понятных и обязательных для каждого». И теперь любой житель Московии, писал Горсей, мог вести свое дело «без какого-либо помощника, а также оспаривать незаконные поборы в царском суде без отсрочки». Судя по всему, англичанин имел в виду судебную реформу и Судебник 1550 г., принятый по указу Ивана Грозного.

Горсей также обращал внимание на политику царя в сфере религии. Иван Грозный «установил и обнародовал единое для всех вероисповедание, учение и богослужение в церкви», ведущее свое начало от греческой церкви. Что же касается господствовавшего во всей Европе учения папы римского, то его царь рассматривал как «самое ошибочное из существующих в христианском мире», выдуманное с целью сохранения верховной иерархической власти папы римского. Чтобы укрепить православную религию, царь за время своего правления построил свыше 40 «прекрасных каменных церквей, богато украшенных и убранных внутри, с главами, покрытыми позолотой из чистого золота», а также открыл более 60 монастырей и обителей, «подарив им колокола и украшения и пожертвовав вклады, чтобы они молились за его душу».

К достижениям политики Ивана Грозного Горсей относил и его вклад в военное дело, подчеркивая, что царь построил 155 крепостей в разных частях страны, «установив там пушки и поместив военные отряды». В градостроении тоже была заметна деятельность Грозного. Он основал на пустыющих землях 300 городов и реставрировал «крепкую, обширную, красивую стену из камня вокруг Москвы, укрепив ее пушками и стражей»¹². Как видно, Горсей в своей характеристике деятельности Ивана Грозного был более объективен, нежели Флетчер.

Оценивая правление Бориса Годунова, Флетчер подметил непростую ситуацию, сложившуюся в Московии, в результате которой Годунов и его родственники «правят и царем, и царством», стараясь «всеми мерами истребить или унижить все знатнейшее и древнейшее дворянство». По сути дела, приходил к заключению Флетчер, «все дела обсуждаются и решаются... братом царицы с пятью или шестью другими лицами, коих заблагорассудится ему призвать»¹³.

Между тем поскольку Годунов уже в бытность правления Федора Иоанновича всячески покровительствовал англичанам, он вызывал симпатии высших английских сановников и даже самой королевы Елизаветы Тюдор. В грамоте от августа 1592 г. она благодарила Годунова «за оказываемое аглинскому купечеству покровительство». «Ласкатель англичан», как окрестил Годунова Дж. Горсей, укрепляя свои позиции при дворе, «становился все более могущественным и захватывал все большую власть, угнетая, подавляя и убирая постепенно самую значительную и древнюю знать, которую ему удалось отстранить и истязать безнаказанно, чтобы его боялись и страшились»¹⁴. Неудивительно, что, настроив своими действиями против себя знать, Годунов стал опасаться ответных мер с ее стороны и, как в свое время Грозный, подумывать об эмиграции в Англию. «Правитель отослал свои богатства в Соловецкий монастырь, — сообщал Горсей. — Он хотел, чтобы в случае необходимости они были там готовы к отправке в Англию, считая это самым надежным убежищем и хранилищем». Если бы

¹¹ Там же, с. 91.

¹² Там же, с. 92–93.

¹³ *Флетчер Дж.* Указ. соч., с. 49, 61.

¹⁴ *Горсей Дж.* Указ соч., с. 133.

побег Годунова состоялся, то Англия «получила бы большую выгоду от огромной ценности этого богатства», с долей цинизма заключал посланник¹⁵.

Откровенно проанглийские симпатии Годунова сделались особенно заметными после его вступления на престол. Королева Елизавета, прослышав о воцарении «английского доброхота» Бориса, незамедлительно направила грамоту, где вспоминала его «прежнюю любовь и раденье» к ее подданным, которые торгуют в Московском государстве, и выражала надежду, что и впредь любовь Годунова к англичанам «неподвижна будет». Царь Борис тут же отправил королеве ответную грамоту: «И мы... князь Борис Федорович всея Руси самодержец... хотим бытии в братской любви и... крепкой дружбе... и ваших торговых людей, которые торгуют в нашем государстве... как прежде жаловали, так и впредь жаловати хотим... по-прежнему беспошлинно»¹⁶. И действительно, торговые отношения с англичанами при Годунове не менялись, и, как подчеркивал американский ученый Э. Симмонс, все трения в коммерческих отношениях между обеими странами к 1599 г. были упразднены. Англичане получили торговые привилегии, каковых не имели прежде. Неудивительно, что Борис Годунов высоко почитался английскими купцами как их друг и покровитель¹⁷.

Покровительственное отношение Годунова к англичанам продолжилось и после смерти королевы Елизаветы и вступления на престол короля Якова I Стюарта в 1603 г. С известием об этом событии в Москву в 1604 г. прибыло посольство Томаса Смита. Как свидетельствовал один из членов посольства, известный своим сотрудничеством с У. Шекспиром английский драматург Уилкинс Джорж, посла и его свиту встречали тысячи москвичей, а по обеим сторонам пути «выстроились несколько сотен молодых бояр, дворян и богатых купцов, верхом на нарядно убранных конях»¹⁸. Подобно своим предшественникам, посланник и члены его свиты были поражены пышностью и торжественностью царского церемониала в Кремле. Их поразил также вид «могущественного царя», который «восседал на золотом троне, обитом дорогою тафтой, в правой руке он держал золотой скипетр, а на голове имел корону из чистого золота; на шее у него было надето ожерелье из драгоценных камней и жемчуга; его верхняя одежда была ... из малинового бархата, красиво вышита золотом и изукрашена драгоценными камнями». Не отставали от царя и его ближайшие придворные — члены царской Думы и бояре «в одежде из золотой парчи и тафты, в высоких шапках из черно-бурых лисиц». Джорж насчитал таких разодетых придворных до 200 человек¹⁹.

Таким образом, только дипломаты, проживавшие в Московском государстве длительное время и по долгу службы бывавшие часто при царском дворе, в своих мемуарах или книгах оставляли более или менее подробные записи об увиденном в стране пребывания, ее государственном устройстве и в первую очередь о российских монархах. Рядовые путешественники ограничивались, как правило, чисто внешними описаниями быта и нравов жителей Московии.

Свои записи об одном из первых представителей династии Романовых — Алексее Михайловиче — оставил его личный врач Самуил Коллинс, пробывший на государственной службе около девяти лет. В 1674 г. Коллинс издал книгу «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне», в которой делился своими впечатлениями о стране и ее дворе. Согласно его описанию, царь Алексей Михайлович — «красивый мужчина, около 6 футов ростом, хорошо сложен, больше дороден, нежели худощав, здорового сложения», волосы у него светло-русые, бороды не бреет, осанка его величественна; «он жесток в гневе, но обыкновенно добр, благодетелен, целомудрен, очень привязан к сестрам и детям, одарен обширной памятью, точен

¹⁵ Там же, с. 109.

¹⁶ Сборник Императорского русского исторического общества, т. 38. СПб., 1883, с. 260, 281.

¹⁷ *Simmons E.J.* English Literature and Culture in Russia (1553–1840). Cambridge, 1935, p. 27, 30.

¹⁸ *Джорж У. Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России...* — Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков). М., 1991, с. 164.

¹⁹ Там же, с. 165–166.

в исполнении церковных обрядов, большой покровитель веры, и если бы не окружало его густое облако доносчиков и бояр, которые направляют ко злу его добрые намерения, то его, без сомнения, можно бы было поставить наряду с добрейшими и мудрейшими государями... Народу он никогда не является иначе, как в блеске, а на празднествах с удивительным великолепием драгоценных камней и прислуги. Он никогда не входил в дом ни к одному из своих подданных... В обществе он обедает только на празднествах, и тогда бояре обедают в его присутствии... Ежегодно, в Великую пятницу, он посещает ночью все тюрьмы, разговаривает с колодниками, выкупает некоторых, посаженных за долги и по произволу, прощает нескольких преступников. Он платит большие суммы за тех, от которых узнает, что они точно находятся в нужде». Упомянул Коллинс и о царских развлечениях. Он отмечал: «царь Алексей Михайлович любит соколиную и псовую охоту, для чего содержит более 300 смотрителей за соколами. Охотился царь «или, лучше сказать, травил их собаками», на медведей, волков, лисиц»²⁰.

Заметим, что английский лекарь не ограничивался описанием наружности царя Алексея Михайловича и его привычек. Он внимательно следил за той политикой, которую проводил царь. Когда финансовое положение английских купцов ухудшилось из-за конкуренции с голландцами, Коллинс записал: «Голландцы, как саранча, напали на Москву и отбивают у англичан хлеб. Они гораздо многочисленнее, богаче англичан и ничего не щадят для достижения своих видов». Коллинсу казалось, что голландцев в России принимают лучше, нежели англичан, потому что они «подносят подарки боярам и таким образом приобретают их покровительство». Англичанин возмущался по поводу тех методов, с помощью которых голландцы стремились избавиться от своих конкурентов: старались «унизить и осмеять англичан», рисовали карикатуры, сочиняли пасквили, «производящие большое действие в народе варварском»²¹.

Иностранцы, приближенные ко двору Алексея Михайловича, очень хорошо разбирались в тонкостях придворной московской жизни. Те из окружения царя, кто проявлял особый интерес к западной культуре, быстро становились объектом пристального внимания иностранцев, поскольку с их помощью можно было повлиять на государя. Показательно в этом отношении высказывание Коллинса об Афанасии Нащокине. «Очень бы хорошо было, по моему мнению, — писал он, — если бы какой-нибудь умный человек сделал в Москве самое выгодное описание государств, принадлежащих Его Величеству, королю Британскому, его могущества, западноиндийских колоний со всеми их доходами и приложил карту всех этих земель, поднести бы это сочинение Афанасию Нащокину, чтобы... дать ему истинное понятие о могуществе британского короля... Нащокин занимает первое место в делах государственных»²².

Свои соображения высказывал Коллинс и по поводу судебной системы и законодательства в правление Алексея Михайловича. Он указывал на недостаток писаных законов, подчеркивая, что «решения судов обыкновенно бывают произвольные», а недостаток законов замещается «обыкновениями», но всего сильнее действуют деньги; и убийца может откупиться. В то же время Коллинсу импонировало скорое решение судебных дел, он даже высказывал пожелание, чтобы «англичане взяли с русских судов пример в скорости решений». Примечательно, что англичанин обнаружил общий «изъян» в судебной системе Англии и России — взяточничество судей²³.

Характеризуя судебную систему, Коллинс признавал жестокость наказаний, упоминал о применении пыток. Напомним, что Р. Ченслер в свое время отзывался о судопроизводстве при Иване Грозном положительно, подчеркивая, что «судопроизводство достойно одобрения». Ченслер полагал, что в чем-то русская судебная система

---

²⁰ Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. М., 1846, с. 13, 34, 37, 17.

²¹ Там же, с. 38–39.

²² Там же, с. 39.

²³ Там же, с. 12–13, 22, 4.

превосходит английскую²⁴. На его взгляд, русские законы о преступниках и ворах отличались меньшей жестокостью, нежели английские.

Оценки англичан по поводу законодательства и судебной системы Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в., конечно же, не всегда отличались объективностью, поскольку нередко основывались на рассказах иностранцев, побывавших до них в России, либо местных жителей. Не все британцы знали русский язык, а значит, и не могли ознакомиться с письменными законами той поры (к примеру, Судебником 1550 г.). Отсюда — их субъективизм, порой и ошибочные оценки. Обращаясь к этим оценкам, в особенности касающимся социальной ограниченности русского законодательства, а также жестокости наказаний, невольно подивисься: разве авторы подобных «откровений» прибыли из страны, где действовали иные порядки и законы?

Средневековое право той же Англии начиная с «Англосаксонских прав» VII—X вв., знаменитой Великой Хартии вольностей (1215 г.), а также законодательство о пауперах (нищих) XVI в. пронизано ярко выраженной классовой ограниченностью. Все писанные законы Англии стояли на страже исключительно имущих слоев. Что же касается жестокости наказаний, то этим отличались все английские акты о бродягах и нищих (1572 г., 1597 г.), не случайно вошедшие в историю под названием «кровавое законодательство». Так, многие из этих законов предусматривали тюремное заключение, изгнание из королевства, ссылку в заморские колонии, на казенные галеры и даже смертную казнь. И все эти кары грозили нищим и безработным лишь за попытку найти себе пропитание в соседнем приходе!

По поводу законодательства, регулирующего брачные отношения, Коллинс отмечал, что в России нет уголовного закона, который бы преследовал за убийство жены, а потому мужа нередко прибегают к самосуду. «Некоторые мужа привязывают жен за волосы и секут совершенно нагих», — утверждал англичанин. Впрочем, далее он признавал, что подобные жестокости теперь случаются редко и их причинами чаще всего служат неверность или пьянство жен²⁵. Коллинс не мог не признать того факта, что брачное законодательство со временем становится менее жестоким, а положение замужних женщин в России улучшается. Этому отчасти способствовало заключение брачного договора — «условия» между родителями невесты с ее женихом. Подобные «условия», на взгляд англичанина, были «несколько сходны» с теми, что существовали в Англии.

Насколько объективными были оценки англичан государственного устройства Русского государства в XVI — начале XVII в.? Данный вопрос затрагивал в своем труде «Сказания иностранцев о Московском государстве» известный историк В.О. Ключевский, а также некоторые ученые XX столетия. «Внешние явления, наружный порядок общественной жизни, ее материальная сторона, — отмечал А.Н. Медушевский, — вот что с наибольшей полнотой и верностью мог описать посторонний наблюдатель». В то же время, продолжал ученый, и в этой области остается еще много «неточных, сбивчивых показаний». Объяснялось это прежде всего незнанием русского языка. Немногие британцы (Дж. Флетчер, Дж. Горсей, С. Коллинс) владели им, а потому чаще всего пользовались сочинениями прежних путешественников по Московии. Отсюда — много заимствований из трудов немецких писателей С. Герберштейна и А. Олеария.

И все же главным источником сведений о Московском государстве, безусловно, оставались собственные наблюдения англичан. И от того, насколько осведомлен был сторонний наблюдатель о государственной и общественной жизни Московии, насколько близко входил в соприкосновение с государственными деятелями, придворными, чиновниками и простыми людьми, во многом зависела полнота и объективность его оценок. Не последнюю роль играла также продолжительность визита, так как многое узнать о жизни другого народа за короткий промежуток времени невозможно.

²⁴ Ченслер Р. Указ. соч., с. 62.

²⁵ Коллинс С. Указ. соч., с. 11–12.

Таким образом, полностью полагаться на свидетельства англичан о государственной и общественной жизни в Московии вряд ли допустимо. «Понятно, как разборчиво и осторожно надобно пользоваться известиями иностранцев о Московском государстве, — подчеркивал Медушевский, — за немногими исключениями, они писали наугад, по слухам, делали общие выводы по исключительным, случайным явлениям»²⁶. Что же касается описаний внешнего вида, поведения, характерных особенностей российских монархов и их придворных, то здесь можно говорить о достоверности сведений тех лиц (дипломатов, врачей, военных), которые по долгу службы близко общались с ними.

Изменилось ли восприятие российских монархов британцами в XVIII в., насколько объективными или субъективными были их оценки? Современный британский историк Э. Кросс отмечал: позитивный образ Петра I, сложившийся в Англии еще при его жизни, «во многом способствовал возникновению просвещенческого мифа о Петре, под обаяние которого попала вся Европа после его кончины. С самого начала к нему относились весьма доброжелательно»²⁷. Действительно, многие публицисты положительно отзывались о визите московского царя в Англию в 1698 г., однако наибольших похвал со стороны британцев Петр I заслужил тогда, когда, возвратившись из Европы, приступил к своей реформаторской деятельности. Все мероприятия, осуществленные им, высоко оценили многие британцы, в том числе инженер Джон Перри, дипломат Чарльз Уитворт, шотландский офицер Питер Брюс, врач Джон Белл, а также литераторы Даниель Дефо и Ричард Стиль.

Дипломат Чарльз Уитворт, находившийся при дворе Петра I на протяжении пяти лет, с 1705 по 1710 г., был убежден в том, что главную роль в осуществлении реформ в России сыграл сам царь, который за 10 лет «усовершенствовал свою империю больше, чем любой другой смог бы сделать в десятикратно больший срок, и что еще более удивительно — сделал это без какой бы то ни было иностранной помощи, вопреки желанию своего народа, духовенства и главных министров, одной лишь силою своего гения, наблюдательности и собственного примера». В книге «Россия в начале XVIII века» Уитворт описал внешность Петра: «Нынешнему царю тридцать восьмой год; государь красив, крепкого телосложения и здоровья, но которое в последнее время сильно подорвано вследствие нерегулярного образа жизни и переутомления». Уитворт отмечал «чрезвычайную любознательность и трудолюбие» царя, подчеркивал, что тот прошел «все ступени должностей в армии — от барабанщика до генерал-лейтенанта, на флоте — от рядового матроса до контр-адмирала, а на своих верфях — от простого плотника до корабельного мастера». На взгляд Уитворта, Петр I имел «добрый нрав», хотя и бывал «очень горяч», честолюбив, «хотя внешне очень скромнен; недоверчив к людям, «не слишком шепетилен в своих обязательствах и благодарности; жесток при вспышках гнева, нерешителен по размышлению; не кровожаден, но своим характером и расходами близок к крайности». Царь любил своих солдат, был сведущ в навигации, кораблестроении, фортификациях и пиротехнике.

Британский дипломат подчеркивал, что Петр отличался скромностью в быту. В Москве он «никогда не располагается во дворце, а поселяется в маленьком деревянном доме, построенном для него в окрестностях... Он не держит ни двора, ни выезда, ни чего-либо иного, отличающего его от обычного офицера, кроме тех случаев, когда появляется на публичных торжествах»²⁸. Подобная скромность царя, писал Уитворт, распространилась и на его двор, который прежде был «очень многочисленным и пышным», по торжественным случаям наполнялся боярами, «со всеми чиновниками каж-

²⁶ Медушевский А.Н. Введение. — Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991, с. 8, 12–14.

²⁷ Кросс Э. Англо-русские отношения в эпоху Петра Великого. — Россия — Британия. К 450-летию установления дипломатических отношений. М., 2003, с. 22.

²⁸ Россия в начале XVIII века. Сочинение Ч. Уитворта. Пер. и комментарии Н.Г. Беспятых. Л., 1988, с. 73–74.

дого приказа, знатью и помещиками». Петр упразднил такие церемонии. И теперь на любом торжестве царя сопровождают армейские офицеры и знать «без какого-либо соблюдения рангов, что выглядит довольно эффектно».

Высокую оценку реформаторской деятельности Петра I дал также шотландский капитан Питер Генри Брюс, состоявший на русской военной службе на протяжении 14 лет. Он подчеркивал, что царь все время «неутомимо трудился над усовершенствованием своей страны»: строил корабли, крепости и дома, обеспечивал свою академию хорошими учителями по всем наукам, необходимыми для образования молодых дворян. Петр устраивал печатные дворы, где издавались переведенные со всех языков самые ценные книги, имевшиеся в Европе. Царские доверенные лица закупали за границей целые библиотеки, и «поистине удивительно было видеть в Петербурге столь замечательное [книжное] собрание». В Москве, продолжал Брюс, Петр возвел большие мануфактуры по производству шерстяных и полотняных тканей, а также стеклянные заводы, в Новгороде и Петербурге устроил парусные мануфактуры и канатные дворы. Из Венгрии и Саксонии доставили опытных горных мастеров, разыскивавших всевозможные металлы — золото, серебро, медь, свинец и железо. «Своим великим гением и неусыпной заботой о делах он (Петр I. — *Т.Л.*) руководил всем; не доверяя донесениям других, следил за всем собственными глазами», — отмечал шотландец²⁹.

Брюс обратил внимание на стремление Петра I ценить своих подданных не за высокое происхождение, а за заслуги перед Отечеством. «Неизменным правилом царя было награждать за заслуги, в чем бы он их ни видел, — писал шотландец. — После победы на суше или на море каждый офицер награждался золотой цепью с медалью, ценность их соответствовала чину; каждый солдат получал серебряную медаль. — *Т.Л.*) или же месячное жалованье. Особо отличившийся офицер первым повышался по службе. С другой стороны, за недостойное поведение солдата или офицера наказывали очень сурово. Царь не принимал во внимание высокого положения по рождению и фамилии, но в каждом случае возвышал за заслуги даже самых худородных плебеев, говоря, что высокое происхождение — только случай и, не сопровождаемое заслугами, учитываться не должно». Брюса приводила в восхищение практика царя не делать различий в происхождении подданных. «История едва ли знает подобный пример, — отмечал он, — когда бы столько людей низкого происхождения поднялось до таких высоких званий, как в правление царя Петра, или когда бы так много людей самого высокого происхождения и богатства опускалось в жизни до самых низких чинов»³⁰.

Обратил внимание Брюс и на деятельность царя, направленную на борьбу с коррупцией. Он отмечал, что царь «с непрестанной озабоченностью и усердием доискивался причин, вызвавших расстройство в управлении его делами». В начале 1715 г. Петр создал ревизион-коллегию во главе с князем Я.Ф. Долгоруким для проверки вельмож, про которых говорили, будто они обманули царя на несколько миллионов. Дело приобрело большой размах: «большинство высокопоставленных мужей России попало под это следствие и было обязано отчитаться в своих поступках». Вскоре повествовал Брюс, последовало наказание виновных. Вице-губернатора Петербурга Корсакова публично наказали кнутом; Апухтин и Волконский — оба сенаторы — подверглись такому же наказанию, и им прижгли каленым железом языки; «некоторые, более низкого звания, были биты батогами и сосланы в Сибирь... а все их состояние конфисковано»³¹.

Хвалебные отзывы в адрес Петра I высказал также шотландский врач Джон Белл, проживавший в России с 1714 по 1753 г. Он принимал непосредственное участие в различных экспедициях, сопровождал Петра I в персидском походе в 1722 г. Медик рассказывал, как однажды ранним зимним утром его слуга, выглянув в окно, позвал хозяина посмотреть на русского государя. «Я был удивлен, увидев Его Величество

²⁹ Брюс П.Г. Мемуары. — Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991, с. 183.

³⁰ Там же, с. 184.

³¹ Там же, с. 175.

в столь ранний час шедшим по двору в морозное утро», — вспоминал позднее шотландец. Он послал слугу пригласить царя в дом. Петр пробыл у него около получаса, а затем вернулся к саням, ожидавшим его у ворот. Шотландца чрезвычайно поразил царский экипаж — открытый санный возок, запряженный одной лошадейю. «Таким был экипаж этого великого человека, столь уважаемого повсюду, и явно неподходящий для знатного правителя, — восторгался шотландец, — однако он показывал, что монарх, каким бы великим он ни был, может в ряде случаев снизойти до положения рядового гражданина, несмотря на свое величие или власть»³².

Джон Белл оставил также описание внешности царя: он был высок и хорошо сложен, около 6 футов роста (1 фут — 30,5 см), «прямой и стройный, с гибкими конечностями, смуглый, с большими карими глазами, правильными чертами лица». Остановился шотландский медик и на распорядке дня Петра. Царь вставал в 4 часа утра и редко когда завтракал. Обедал в 12 часов. Однажды в воскресный день Брюсу довелось присутствовать при дворе и наблюдать трапезу царской семьи. Стол был накрыт в столовой, где императрица Екатерина и две юные принцессы, Анна и Елизавета, ожидали возвращения его величества из церкви. «Я заметил, — писал Брюс, — что рядом с каждым прибором лежало по куску белого и черного хлеба. Около полудня царь вошел в сопровождении 10 или 12 персон, которые были выпивши. Тем временем обед начался, и распорядитель обратился к пришедшим с просьбой занять свободные места, а остальных отправил обедать домой к своим женам»³³. После обеда царь, как правило, отдыхал. Спал он обычно около часа. Затем направлялся к токарному станку, за которым работал какое-то время под руководством мастера-итальянца. «Я видел некоторые его поделки из слоновой кости и дерева с изображениями портретов придворных», — свидетельствовал шотландец. Чаще всего все свои дела царь завершал до обеда. Вечер он проводил в тех домах, где «надеялся получить полезные сведения о торговле или мануфактурах».

Как-то раз Беллу посчастливилось оказаться в доме английского купца в то время, когда к тому на ужин зашел царь. «Войдя в комнату, — пишет Белл, — он повелел всем, кто там находился, остаться и завел разговор о торговле, небезынтересный для всех присутствующих». Около 9 часов накрыли на стол, царский повар принес любимую Петром холодную зайчатину. «Это был обычный ужин царя, после чего выпив стакан или два английского эля, он отправился домой», — рассказывает шотландец.

Белл описал несколько случаев из жизни Петра I, свидетелем которых являлся сам, либо слышал о них. Так он сообщал: когда дела требовали отлучиться, Петр отправлялся в Сенат и посылал за сенаторами. Однако не все из них являлись незамедлительно. К примеру, однажды холодным зимним утром канцлер Головин прислал слугу с извинениями, что не сможет прибыть из-за зубной боли. «А нужно заметить, — пишет Белл, — что, когда Его Величество был во Франции, он приобрел инструменты для вырывания зубов, но не имел никаких сведений, как ими пользоваться. Тем не менее он носил инструменты всегда с собой». И вот царь садится в свой возок и направляется прямо к дому канцлера, которому объявляет, что должен о нем позаботиться. «Легко представить, — продолжал Белл, — что старый джентльмен предпочел бы увидеть совсем другого доктора, но выбора у него не было. Он подчинился, зуб был вырван, как мне говорили, не без труда, но с тех пор никто из сановников уже не ссылаясь на зубную боль»³⁴.

Современный историк Е.Е. Дмитриев, обращавшийся к высказываниям Белла о Петре I, подчеркивал, что шотландец считал своим долгом «опровергнуть писания некоторых иностранных авторов, которые в ложном свете представили и очернили истинный характер Петра Великого, распространяя о нем жалкие сплетни, собранные в кабаках среди самых низких слоев общества, причем зачастую эти сплетни не

³² Britain and Russia in the Age of Peter the Great, Historical Documents. London, 1998, p. 136.

³³ Ibid., p. 137.

³⁴ Ibidem.

имели под собой никакой реальной почвы, в результате чего многие здравомыслящие люди поныне считают его порочным человеком и жестоким тираном»³⁵. Сам же Белл отмечал, что, хотя у царя и были некоторые недостатки, «его рассудительность, справедливость и человеколюбие намного превосходили недостатки эти, чуть ли не единственно простекавшие из его склонности к прекрасному полу».

Белл опровергал утверждения ряда авторов о том, что Петр злоупотреблял крепкими спиртными напитками. Подобное обвинение он считал «незаслуженной клеветой», поскольку государь, по его словам, «испытывал отвращение ко всем пьяницам и вообще любителям выпить». На взгляд шотландца, «те, кто по долгу службы находились рядом с Петром Великим... и были лучше знакомы с его характером, всегда отрицали его склонность к неумеренности и настаивали, что он был трезвый государь».

К числу положительных черт, присущих русскому царю, отмечал Дмитриев, Белл относил его стремление вникать до мелочей во всевозможные дела и получать знания, «пригодные человеку, управлявшему могущественной империей». Беллу импонировала в Петре I также его необычайная бережливость в личных расходах. При этом царь, по свидетельству Белла, «не жалел денег на общественные нужды, постройку кораблей... всего того, что носило отпечаток большого величия»³⁶.

Значительное внимание реформаторской деятельности Петра I уделил в книге «Состояние России при нынешнем царе» английский инженер Джон Перри, проработавший в России 17 лет³⁷. Он высоко оценивал реформы Петра и в то же время обращал внимание на негативное отношение к ним народа. По сути дела, петровские реформы были встречены в штыки всеми слоями общества. Перри отмечал, что дворяне были недовольны финансовыми нововведениями, которые «отсекали у них значительную отрасль их власти», но принуждены были покориться единственно из опасения, что «несколько голов будет отрублено для примера за ослушание». Недовольство большей части дворянства вызывало и то, что их против воли заставляли переселяться с семьями в Петербург, где они «обязаны строить себе новые дома и где все съестные припасы дороже, чем в Москве». Между тем, продолжал Перри, в Москве все господа имеют собственные дома — «огромные здания», а также дачи и деревни, где устроены у них рыбные пруды и сады «с множеством разнородных плодовых деревьев и всякие увеселительные места». В Петербурге же ничего подобного нет. Наконец, Москва — это их родина и самое любимое место, там они окружены друзьями и знакомыми, и потому, когда сходятся вместе, то жалуются и говорят, что «в Петербурге достаточно слез и воды и что они молят Бога о том, чтобы вернуться опять на жительство в Москву»³⁸.

Враждебно настроенными к заимствованным у иностранцев реформам были бояре, а также духовенство. Не принимали реформы царя и простые люди. Большую вину за все невзгоды в российском государстве, связанные с реформами Петра, свидетельствовал Перри, народ возлагал на иностранцев, которые появились в стране³⁹.

В общем потоке хвалебных высказываний британцев о Петре I и его реформаторской деятельности тонули критические суждения известного журналиста и просветителя Англии Даниеля Дефо. Поначалу он довольно объективно оценивал действия Петра I. «Должно быть хорошо известно всякому, кто посещал владения царя Московии, что этот выдающийся восходящий монарх изучил все методы для укрепления власти и обогащения, равно как и просвещения своих подданных, — писал Дефо в журнале «The Consolidator» в 1704 г. — Он проехал через большую часть Европы и посетил дворы

³⁵ Дмитриев Е.Е. Петр I глазами британцев-современников. — Историографический сборник, вып. 21. Саратов, 2004.

³⁶ Там же, с. 140—141.

³⁷ Подробнее о Дж. Перри см. *Лабутина Т.Л.* Жизнь и деятельность инженера Джона Пери. — *Лабутина Т.Л.* Британцы в России в XVIII веке.

³⁸ *Перри Дж.* Состояние России при нынешнем царе. М., 1871, с. 168—169.

³⁹ Там же, с. 128—129, 90.

известных монархов, откуда, по его собственному заключению... перенял многое из нашей практики, особенно в военном искусстве и торговле для своего невежественного народа. Результаты этой его любознательности хорошо видны в его деятельности сегодня, поскольку после европейских путешествий царь преобразовал свою армию, создал новый флот, открыл посольства в разных странах мира, и теперь мы видим, как его армия осаждают укрепленные города... суда теперь полностью оснащены и управляются английскими и голландскими специалистами, а военные суда передвигаются по Балтике... Великий монарх также улучшил свою страну, введя в обиход манеры и обычаи более просвещенных наций Европы»⁴⁰.

Другой известный просветитель и журналист, Ричард Стиль вторил Дефо, и в одной из статей журнала «The Spectator» представил Петра I как «великого правителя». «Петр Алексеевич, царь России, — писал Стиль, — когда повзрослел, то хотя и считал себя императором большого и многочисленного народа, хозяином бескрайних владений, абсолютным вершителем житей и судеб своих подданных... обратил свои мысли на себя и свой народ с печалью. Убогое невежество и грубый образ жизни этого благородного монарха были налицо. Его разум подсказал ему, и мужество убедило в необходимости изменения подобного положения вещей. Чтобы добиться своей цели, он... оставив трон, отправился в путь... осваивать полезные ремесла, а также нанимать специалистов, коих не было в его стране... Преследуя великие цели, он отправился в заморские страны инкогнито, чтобы не встречаться с оказанием приличествующих ему почестей, но освоить более важные их искусства войны и мира. Поэтому, — заключал англичанин, — этот великий правитель заслуживает так называться за свой личный вклад, знания и достоинства. Было бы справедливым поставить его имя рядом с героями античности». Стиль утверждал, что трудно найти в мире правителя, которого можно было бы сравнить с русским царем: «Этот богоподобный правитель научился завоевывать и использовать свои завоевания. Насколько ужасным бывает он в бою и насколько мягок в победе!»⁴¹.

Похвалы Стиля в адрес Петра I неожиданно вызвали критику со стороны Дефо. В журнале «Review» он вступил со Стилем в полемику. «Я поддерживаю мнение автора “Spectator” в отношении царя Московии в том, что тот оставил свою империю, чтобы усовершенствовать свое образование и расширить знания. И мне нечего добавит к сказанному по этому поводу», — писал Дефо, а далее заявлял: «Я не могу в равной мере аплодировать царю как истинному герою, поскольку он не заботится о прирожденных правах своих подданных, и прежде всего праве на свободу, которую Бог в первую очередь даровал всем разумным существам». Дефо оспаривал утверждение Стиля о величии царя, считая, что Петр I правил тиранически. «Обладает ли царь Московии духом истинного величия... угнетая свой народ? Может, он отказался от свободы сам и предоставил свободу своему народу, сделав его хозяином своей собственности и узаконив эту собственность? Сделал ли он свой народ поистине свободным?» — задавался вопросом литератор, а затем отвечал: «Я не понимаю, как тиран может быть героем! ...Тиран не может обладать подобным величием и милосердием».

Далее Дефо пояснял, что он понимает под термином «свобода» в конкретном случае: «Говоря о свободе народа, я не имею в виду свободу от правительств, но свободу от беззакония деспотических правителей... Если бы царь Московии отрекся от несправедливой и деспотической власти русских императоров, его жестоких и ужасных предков, сделал бы своих подданных свободными людьми, а не рабами, каковыми были их предки, тогда он действительно стал бы великим правителем, героем в истинном смысле этого слова». Однако ничего подобного, по мнению Дефо, в России не произошло. «Позвольте любому путешественнику в эту страну рассказать о своих впечатлениях, — продолжал журналист, — и вы узнаете, как он (царь. — Т.Л.) правит, как самовластно он распоряжается душой и телом своих подданных... Позвольте

⁴⁰ Britain and Russia in the Age of Peter the Great, Historical Documents, p. 55–56.

⁴¹ Ibid., p. 111.

им рассказать, как они опускают головы в его присутствии, глядя в землю и не смея взглянуть на своего монарха»⁴². (Нельзя не обратить внимания на это высказывание Дефо: насколько оно напоминает слова Флетчера о проявлении жестокости и тирании Ивана Грозного!). Журналиста возмущало также то, как царь расправляется со своей знатью — с помощью палача, как он требует отдавать сыновей знати и буржуа в мастера и ремесленники, как он командует своим народом на войне, заставляя знатных подданных служить в армии.

Как видно, Дефо совершенно не разделял мнения Стиля по поводу деятельности Петра I и не видел никаких оснований для того, чтобы причислять российского царя к великим правителям. 2 апреля 1713 г. в журнале «Review» Дефо выступил со статьей, которая вызвала настоящий дипломатический скандал. Речь шла о событиях Северной войны. Дефо обвинял «московитов» в «варварском отношении» к шведам. «Царь изобрел новый метод ведения войны, — писал он, — и я не сомневаюсь, что в этом он найдет свою собственную гибель. Единственное, что вселяет надежду, так это то, что Европа поспособствует падению его могущества, поскольку он является королем-мясником, а не христианским монархом... Я никогда не видел в нем христианина, поскольку он позволяет своим подданным продавать пленных (шведов. — *Т.Л.*) магометанам». Далее литератор выражал уверенность в том, что ни один правитель не станет общаться с этим монархом, похожим «на свирепого медведя из необъятных сибирских лесов». «Сибирский медведь, на мой взгляд, подобен чудовищу», — заключал Дефо⁴³.

Скандальная статья в одном из известных изданий Великобритании, естественно, не могла остаться незамеченной. Купцы Московской компании Англии обратились к государственному секретарю виконту Болингброку, призывая принять к журналисту надлежащие меры, поскольку его статья могла привести к серьезным осложнениям в торговле с Россией. Британский посланник в России направил королеве Анне депешу, в которой осуждал сравнение Петра I со «свирепым сибирским медведем». Посланник также упоминал о требовании царя «примерно наказать Дефо в соответствии с его виной в данном преступлении». Королева Анна пообещала привлечь литератора к суду, однако слова своего не сдержала: Дефо так и не понес никакого наказания.

Чем объяснялась подобная нелицеприятная характеристика Петра I английским памфлетистом? Почему мнение Дефо о русском царе столь кардинально изменилось? Дело в том, что литератор в ту пору состоял на службе у министра Роберта Харли, являлся своеобразным рупором правящей партии тории. Скорее всего, данная статья и была написана Дефо по поручению первого министра. Поскольку Великобритания опасалась усиления России как серьезного конкурента на Европейском континенте, ее правящие круги стали предпринимать определенные шаги по диффамации Петра I в глазах общественного мнения.

Надо признать, что характеристики Петра I, представленные литераторами Стилем и Дефо, не могли в должной мере отличаться объективностью, так как они оба не были лично знакомы с русским царем и никогда не бывали в России. Их сведения о Петре I черпались исключительно из прессы либо свидетельств тех, кто ранее посещал нашу страну. Таким образом, «героизация» или «демонизация» образа одного и того же деятеля предпринималась литераторами в зависимости от политической конъюнктуры и по заказу властей.

Как можно убедиться, британцы, находившиеся на службе в России, чаще всего давали хвалебные оценки Петру I и его реформаторской деятельности, во многом инициированной визитом царя в Англию. Когда же его действия вступали в противоречие с интересами Великобритании, тон репортажей британцев резко менялся, приобретая негативный оттенок. В оценках британцев нередко прослеживалось также противопоставление царя и его подданных. Как утверждал Э. Кросс, в течение всего XVIII в.

⁴² Ibid., p. 112.

⁴³ Ibid., p. 125.

русские получали со стороны англичан в основном негативную оценку, и в этом историк усматривал стереотипы английского мышления⁴⁴. Особенно отчетливо данное противопоставление Кросс проиллюстрировал на примере эпитафии Петру I публициста Джона Моттли, который писал: «Твари, имеющие имена людей, / Но качества, скорее зверей, чем разумных существ, / И даже таких / Он очистил от их природной неотесанности, / И воссиял, подобно новому Солнцу, / Чтоб просветить умы народа, / И рассеять мрак из темных традиций!»⁴⁵. Добавим, что подобное противопоставление «царя-реформатора» и «варварского народа» укоренилась в общественном мнении Великобритании надолго.

Среди тех британцев, которые посещали Россию и оставили свои записи о ее правителях, изредка встречались женщины, в их числе были леди Рондо и баронесса Димсдейл. Отличалось ли женское восприятие монархов XVIII в. от мужского или оно было тождественным? Остановимся на этом вопросе.

Джейн Рондо вместе с мужем – генеральным консулом и агентом Русской компании – оказалась в России в 1728 г. Отсюда она начала писать своей приятельнице в Англию письма, в которых делилась впечатлениями о стране пребывания и придворной жизни. В одном из них она рассказала о торжественной встрече царицы Анны Иоанновны в Петербурге в 1733 г., подробно описав, как ее величество за две мили от города была встречена «членами судебных мест, сухопутными и морскими офицерами, иностранными негоциантами, чинами академии и иностранными министрами». Царица проехала через пять триумфальных арок, специально построенных по этому случаю, посетила церковь, а затем «с торжественностью вступила во дворец, где ей было сказано несколько речей, заключающих в себе поздравления с прибытием». Официальная встреча завершилась обедом и балом.

В письмах леди Рондо сохранилось описание внешности Анны Иоанновны. «Императрица почти моего роста, – отмечала англичанка, – чрезвычайно полна, но, несмотря на это, хорошо сложена и движения ее свободны и ловки. Она смугла, волосы ее черны, а глаза темно-голубые; во взгляде ее есть что-то царственное, поражающее с первого раза. Когда же она говорит, то на губах ее является невыразимо приятная улыбка. Она много разговаривает со всеми и в обращении так приветлива, что, кажется, будто говоришь с равной себе; однако же она ни на минуту не теряет достоинства государыни. Она, по-видимому, очень кротка и если бы была частным лицом, то... считалась бы чрезвычайно приятной женщиной»⁴⁶.

Англичанке довелось не раз встречаться с императрицей. Чаще всего это происходило в покоях графини Бирон, с которой леди Рондо сдружилась. «Так как комнаты императрицы смежные с комнатами графини, то она после обеда много раз приходит к нам, – писала англичанка. – Иногда императрица садится за пьелцы, работает вместе с нами и много спрашивает об Англии и в особенности обо всем, что касается королевь... Во время ее присутствия у графини Бирон бывают обыкновенно пять или шесть дам и один или два придворных кавалера, которые ведут самый обыкновенный разговор. Иногда императрица принимает в нем участие как равная, сохраняя, однако, свое достоинство, но таким образом, что при этом не чувствуется никакого стеснения». Леди Рондо подметила, что императрица бывает порой насмешлива, но «насмешливость ее умеряется такой добротой, что никого не оскорбляет. В ней много отваги, и нет вовсе притворства; она презирает всякие опасности»⁴⁷.

---

⁴⁴ Кросс Э. Британский взгляд на Россию: происхождение, живучесть и изменение национальных стереотипов мышления в период с XVI в. до Крымской войны. – От Елизаветы I до Елизаветы II: проблемы британской истории в новое и новейшее время. Ярославль, 2008, с. 30.

⁴⁵ Там же, с. 25.

⁴⁶ Письма леди Рондо (жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны). – Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Пер. с англ., т. I. СПб., 1874, с. 49–50.

⁴⁷ Там же, с. 63–64.

Джейн обстоятельно описывала балы и маскарады, на которых присутствовала Анна Иоанновна. Одно из торжеств по случаю годовщины вступления императрицы на престол происходило в зале, «украшенном померанцевыми и миртовыми деревьями в полном цвету». «Красота, благоухание и тепло в этой своего рода роще — тогда как из окон были видны только лед и снег» — показались англичанке чем-то волшебным. Гостям подавали чай, кофе и разные прохладительные напитки; в зале гремела музыка, аллеи заполнили изящные кавалеры и очаровательные дамы.

Столь же восхитительным, на ее взгляд, оказался и бал в Летнем саду по случаю взятия Данцига в 1733 г. «Тогда было очень жарко, — вспоминала леди Рондо. — На дамах надеты корсажи из белой ткани с серебряными цветами», волосы завиты в большие локоны и убраны гирляндами цветов. Императрица с ближайшими родственниками обедала в гроте, напротив аллеи, в конце которой бил фонтан. Обеденный стол под шатром из зеленой шелковой материи занимал всю длину аллеи. Всего присутствовало 300 персон. Воображение англичанки поразило изобилие подаваемых блюд: «Для каждой перемены требовалось шестьсот блюд, а перемен было две и потом десерт». Вечером сад «иллюминировали очень красиво», и начался бал. «Все это походило на пир какой-то местной богини», — заключала Рондо.

Во время бала произошел небольшой инцидент, о котором англичанка сочла необходимым поведать своей приятельнице. В зал ввели французских офицеров, взятых в плен под Данцигом. Каждый из пленных поцеловал руку императрицы, после чего она заявила, что, хотя «французы очень дурно поступали с пленными, имевшими несчастье попасть к ним в руки», тем не менее вместо мщения за них она «довольствуется лишь этим оскорблением (пленением. — *Т.Л.*) и, зная французов за людей весьма вежливых, надеется, что любезность присутствующих дам изгладит отчасти нанесенное им оскорбление». Затем императрица приказала возвратить пленным шпаги под «честное слово». Один из офицеров, представленный леди Рондо, «очень удивлялся великолепию и учтивости русского двора», с чем англичанка согласилась. «В самом деле, — писала Рондо, — с ними обращаются очень вежливо; придворные кареты отданы в их распоряжение, и им показывают все, что обыкновенно показывается иностранцам»⁴⁸.

Помимо балов и маскарадо, при дворе императрицы устраивались и другие развлечения. Одно из них — стрельба в цель и в птицу на лету — представлялось англичанке опасным, однако она не сумела избежать участия в подобном «увеселении». Леди удалось даже как-то попасть в цель, хотя она была так напугана, что «ничего не видела». Заметим, что о пристрастии к охоте и стрельбе из ружья упоминают и другие источники. В стрельбе Анна Иоанновна приобрела такую сноровку, что без промаха попадала в цель и убивала птиц на лету. Об этом, в частности, сообщалось в примечаниях к «Письмам» леди Рондо: «Во внутренних покоях императрицы стояли всегда заряженные ружья, и она стреляла из них через окна в мимо летевших ласточек, воробьев, галок. В галерее дворца находился большой тир, где назначалась иногда призовая стрельба, в которой должны были обязательно принимать участие все придворные, не исключая дам»⁴⁹.

В своих письмах леди Рондо не раз упоминала об усилении позиций Бирона и его супруги, об их влиянии на императрицу. Англичанка подчеркивала, что граф Бирон и его жена — «первые любимцы Ее Величества, и на них смотрят как на лиц, которые пользуются неограниченной властью». Обер-камергер Бирон «представителен собою, но взгляд у него отталкивающий». Что касается графини Бирон, то она «невысокого роста, но так испорчена оспой, что кажется узорчатою; у нее прекрасный бюст», какого англичанка, по ее собственному признанию, «никогда не видела ни у одной женщины».

⁴⁸ Там же, с. 71–74.

⁴⁹ Там же, Примечания, с. 203–204.

Спустя три года впечатления леди Рондо от супругов Бирон отличались большей категоричностью и касались уже характеров супругов. «Герцог и герцогиня курляндские (они... были прежде граф и графиня Бирон), — писала она, — пользуются таким фавором, что от их сумрачного взгляда или улыбки зависит как счастье, так и бедствие целой империи, т.е. настолько, насколько зависит первое от благосклонности, а второе от немилости. Здесь весь народ находится в их власти. Герцог очень тщеславен и вспыльчив и, когда выходит из себя, то выражается запальчиво. Если он расположен к кому-нибудь, то выражает отменную благосклонность и похвалы; но он непостоянен, быстро меняется без всякой причины и часто чувствует к одному и тому же лицу такое же отвращение, какое чувствовал прежде расположение; он не умеет скрывать этого чувства и выказывает его самым оскорбительным образом. Герцог от природы очень сдержан и, пока продолжается благосклонность, очень искренен с любимым человеком. Он вообще очень откровенен и не говорит того, чего у него нет на уме, а отвечает напрямик или не отвечает вовсе. Он имеет предубеждение против русских и выражает это перед самыми знатными из них так явно, что когда-нибудь это сделается причиной его гибели; я думаю, однако, что преданность его Ее Величеству непоколебима и что он принимает близко к сердцу благо страны»⁵⁰.

Леди Рондо покинула Россию вместе с супругом в 1739 г. Ее письма явились прекрасным и оригинальным источником, иллюстрирующим придворную жизнь в правление императрицы Анны Иоанновны⁵¹. Присущие автору образованность, деликатность, наблюдательность позволили ей представить яркую и по большей части достоверную картину придворной жизни России в эпоху «бионовщины», а также портреты императрицы Анны Иоанновны и ее ближайшего окружения.

Не менее выразительный портрет другой императрицы — Екатерины II — воспроизвела баронесса Элизабет Димсдейл. В 48 лет она вышла замуж за 68-летнего барона Томаса Димсдейла — доктора медицины, хирурга, автора известной работы «Современный метод прививки оспы». Екатерина II пригласила медика в Россию, чтобы он привил оспу ей, а также ее ближайшим родственникам и придворным. Димсдейл охотно откликнулся на приглашение и посетил Россию дважды, в 1768 и 1781 гг. Во время второго визита его сопровождала Элизабет.

В начале сентября 1781 г. Екатерина II разрешила Димсдейлу привезти в Царское Село супругу. Элизабет была в курсе того, что императрица предпочитает жить в уединении и никому не позволяет нарушать свой покой, поэтому сочла приглашение за высокую честь.

Императрица показалась баронессе очаровательной женщиной, росту ниже, чем была сама англичанка, «и крупнее», с выразительными голубыми глазами и пронзительным взглядом. Для своих 54 лет Екатерина, по словам англичанки, выглядела «очень привлекательной». За время пребывания в Царском Селе баронессе не раз довелось встречаться с императрицей, что позволило составить представление о ее распорядке дня. Екатерина, подметила Элизабет, — «ранняя пташка», после 6 утра ее уже можно видеть в саду, где в сопровождении нескольких борзых собак, подаренных бароном Димсдейлом, она прогуливается два-три часа. Затем идет одеваться, молится в своих апартаментах. К ее услугам два парикмахера. Обычно, пишет англичанка, Екатерина любит надевать большой белый капор, «за исключением тех дней, когда тщательно причесана и ее голова украшена локонами», тогда она предпочитает носить шляпу, отделанную газовой материей. Летом императрица отдыхает в саду на кожаном тюфяке, «в ночном капоре в виде косынки, как это принято у русских женщин»⁵².

⁵⁰ Там же, с. 52, 107–108.

⁵¹ Подробнее см. *Лабутина Т.Л.* Леди Рондо при дворе Анны Иоанновны. — *Лабутина Т.Л.* Британцы в России в XVIII веке, с. 287–309.

⁵² *An English Lady at the Court of Catherine the Great. The Journal of Baroness Elizabeth Dimsdale, 1781.* Ed. by A.G. Cross. Cambridge, 1989, p. 68.

Обедает императрица в час дня. Прислуживают ей солдаты, еду подают на серебряной посуде. После завершения царской трапезы обедают другие обитатели Царского Села. Их также обслуживают солдаты и блюда приносят на серебряной посуде. Баронесса поместила в дневнике меню ежедневного обеда императрицы. В меню входили: суп, рыба, бройлерные цыплята, цветная капуста, ростбиф с картофелем, утка, дичь, грибы, гамбургская ветчина, котлеты, сосиски, семь видов десерта, апельсины, яблоки, вишня, сыр пармезан и т.д. Вечером предлагался горячий ужин из семи или девяти блюд. Между тем сама Екатерина, по утверждению Элизабет, была сдержана в еде. «Императрица чрезвычайно темпераментна, — отмечала баронесса, — и, как посоветовал ей барон, никогда не ужинает, поскольку страдает от сильных головных болей, а это помогает»⁵³. Медик порекомендовал ей также выпивать перед сном бокал белого вина.

Однажды Элизабет, приглашенная во дворец на бал, запоздала, и появилась, когда котильон уже начался. «Императрица восседала на троне, обитом малиновым бархатом и богато декорированным, — повествовала баронесса. — Граф Орлов и еще несколько высокопоставленных лиц стояли подле нее. На ней была надета легкая юбка пурпурного цвета и белая тонкая блуза с длинными рукавами и открытым верхом. Наряд выглядел очень элегантно, а прическа была совершенна».

По бокам зала стояли столы для игры в карты, «кто-то уже там расположился, некоторые ожидали рядом». Элизабет наблюдала, как императрица обходила столы, «хотя сама не выказывала желания принять участие в игре». В 10 часов императрица удалилась, и тотчас все оставили карты. «Я все еще пребывала под впечатлением, с каким величием и изяществом императрица покинула зал и как обращалась с присутствующими», — восхищалась баронесса.

Накануне отъезда из Петербурга Элизабет посчастливилось повидаться с Екатериной еще раз. Она была приглашена в царские покои с частным визитом. Во дворце ее проводили в гардеробную, где императрица передевалась к выходу. «Екатерина стояла перед большим зеркалом, в наряде из белой серебряной ткани, более элегантной материи... я никогда не видела», писала англичанка. Императрица поцеловала леди Рондо в щеку, как и при первой их встрече, «высказала много общепринятых добрых слов» и пожелала счастливого пути.

Анализ дневника баронессы Димсдейл, а также писем леди Рондо позволяет заключить, что их содержание носило по большей части объективный и непредвзятый характер. Кроме того, в отличие от большинства «мужских» произведений подобного рода в «женском» эпистолярном наследии отсутствовали негативные оценки России и русских людей. Представленные англичанками описания российских императриц, конечно же, были далеко не полными. Авторов больше интересовала внешняя, поверхностная, нежели содержательная сторона увиденного, что было естественно для представительниц прекрасного пола в XVIII в.

Итак, произведения британцев, посетивших Россию с кратковременным визитом, заметно отличались от работ тех, кто проживал и трудился в нашей стране длительное время. Оценки последних, естественно, носили более объективный характер. На формирование этнических образов монархов не в последнюю очередь оказывало влияние их покровительственное расположение к англичанам (как в случае с Борисом Годуновым) либо следование западноевропейским, английским образцам (реформы Петра I). Если же политика российских правителей шла вразрез с интересами британцев, сами монархи и их деятельность подвергались резкой критике. Восприятие британцами российских монархов с течением времени трансформировалось: в своих работах авторы больше внимания начали уделять анализу их деятельности, нежели внешним атрибутам, чем еще продолжали грешить «женские» трактаты. Как бы то ни было, сочинения британцев во многом дополняют и обогащают представления современников о жизни и деятельности правителей России прошлых эпох.

⁵³ Ibid., p. 69.